БЕСЕДЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ

ТОМ V

The Free economic society of Russia
Conversations about Economy

俄罗斯自由经济协会刊物
经济访谈录

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

2019, Москва

Под редакцией С.Д. Бодрунова

и денежно-кредитной, и финансовой, и фискальной политик, с упором, конечно, на структурную политику. Потому что здесь начинаются и цели устойчивого развития, и вообще новый global governance как некая международная координация в новых координатах. Вот здесь надо внимательно на это все смотреть. Потому что, собственно говоря, марафон длительный, здесь я согласен с авторами доклада, что цели устойчивого развития и зеленый курс — это марафон. Нужен первый этап. И в этом году он совершенно очевиден. Это все-таки перезапуск Всемирной торговой организации. Потому что, если она остановится в декабре, тогда мало всем не покажется.

И один вопрос я все-таки позволю себе в заключение задать. Мне не очень понятно, как сочетаются курс на усиление государственного финансирования зеленого вот этого всего замечательного и в то же время посыл, что предстоит полагаться на ресурсы богатых людей и частных фининститутов. У меня вопрос, а вот эта ставка на государство предполагает, что государство несет ответственность за качество проекта, который оно предлагает некому частному инвестору? Я не против инвестировать в зеленую энергетику, куда угодно. Но кто мне докажет, что это интересный, правильный международно признанный сертифицированный проект? Вот с этим-то как быть? Это, кстати, вот вопрос уже пострецессионной повестки дня.

Дынкин: Спасибо, Никита Иванович. Пожалуйста, Михаил Владимирович Ершов.

Ершов: Очень полезно, на мой взгляд, что выводы в докладе, они немножко нестандартны, они как бы вне мейнстрима, поскольку они расширяют панораму традиционных взглядов и таким образом подсказывают, какие могут быть еще решения в этой непростой ситуации. Посмотрите, вы пишите в вашем докладе, что вот сейчас 10 с лишним лет прошло после последнего финансового кризиса, и экономика остается хрупкой. Совершенно верно. Сегодня прозвучал и в докладе отчасти звучал тезис, что нет четких индикаторов, что мы, в принципе, находимся перед кризисом или нет. Наверное, да. Но вот какие вещи настораживают, когда смотришь на то, что происходит вокруг. Посмотрите, сначала делаются заявления ведущими регуляторами, что политика будет ужесточаться, что ставки не будут снижаться и балансы будут нормализовываться, то есть ликвидность будет сокращаться. А потом мы видим, что ставки начинают снижаться, количественное смягчение остается прежним или даже продолжается, то есть ликвидность остается в экономике. Все меры поддержки, которые были, они скорее усиливаются, чем сокращаются, как было изначально анонсировано. Только за этот год прогноз перспектив роста экономики

трижды, как я вот насчитал, ухудшился. В январе они не знали того, что будет потом, что надо будет трижды ухудшать? ФРС впервые за 10 с лишним лет в этом году дважды, раз за разом, снизил ставки. Даже Трамп написал в своем твиттере, что, да, американцам нужны нулевые или отрицательные ставки. Лично у меня это вызывает, в общем, серьезную настороженность, что происходит нечто серьезное.

Центральные банки продолжают выкупать акции конкретных компаний в нарушение даже каких-то интересов. То есть реально поддерживают фондовый рынок. Это притом что формально экономики растут, индексы повышаются, инфляция минимальная и вроде все хорошо. Это вызывает, на самом деле, очень важные вопросы, которые ставите Вы в Вашем докладе, за что Вам большое спасибо, что таким же образом, если вдруг ситуация будет развиваться по не самому благополучному сценарию, а эта вероятность достаточно высока, будет понятно, как проблему решать. И чем больше будет предложено различных решений, в том числе нестандартных, включая те, которые предлагаются Вами, тем больше у регуляторов будет тогда решений, как к этой проблеме подойти...

Вот, например, 2–3 момента для иллюстрации. Вы пишите, что необходимо серьезно рассмотреть контроль за движением капиталов, за структурой капитала, который движется, и даже более того — на всем маршруте движения от самого начала формирования этого капитала до конечного его получения. Совершенно верно. Но при этом мы смотрим опять на реальный мир. В Соединенных Штатах есть такой комитет по иностранным инвестициям в США, который регулирует приток иностранных инвестиций в американскую экономику. Они ввели в последние месяцы очередные меры по ужесточению контроля за иностранными инвестициями — так, для справки. Комитет носит, казалось бы, сугубо экономический статус. Но в его составе около 10 человек, в числе которых два или три экономических министра, включая ФРС, а остальные семь или восемь — это силовые министры — министр обороны, министр национальной безопасности, министр национальной разведки, ФБР, госсекретарь, генпрокурор, ну и далее. И это экономический, по идее, орган, регулирующий экономические процессы.

И Вы совершенно правильно в Вашем докладе пишите, что такое ужесточение можно было бы попытаться смягчить или избежать его, если были бы правильные, более координационные шаги по взаимодействию всех участников.

Вы пишите опять, и мы все это знаем, что сейчас отмечается 75-летний юбилей создания Бреттон-Вудской системы. Естественно, мы все помним ту основу, которая валютной системе была положена 75 лет назад. Хотел бы еще напомнить,

что скоро, через два года будет 50-летний юбилей более печальной даты — краха этой самой Бреттон-Вудской системы. Хотелось бы, будем надеяться, что когда мы к этой дате два года спустя подойдем, те меры, которые сейчас предпринимаются экспертным сообществом, и регуляторами, и экономикой, и бизнесом на базе здравых решений, которые здесь и в других местах экспертами вырабатываются, все-таки мы будем более готовы к тому, чтобы тот юбилей, такой печальный юбилей, все-таки нами был отмечен с полной готовностью и с положительным пониманием, что мировая экономика стала гораздо более здоровой и имеет гораздо большие перспективы для своего развития. Наша дискуссия сегодня, Ваш доклад, который спровоцировал такую дискуссию, я думаю, будут являться важным шагом в этом направлении.

Дынкин: Спасибо, Михаил Владимирович. Коллеги, список записавшихся накануне нашего круглого стола у меня исчерпан. Два человека просили дополнительное слово. Я думаю, что дискуссия интересная, мы продолжим какое-то время. Я прошу взять слово Алексея Павловича Портанского.

Портанский: В своем коротком выступлении я бы хотел еще раз поднять ту проблему, которой коснулись, по крайней мере, несколько первых дискутантов — это состояние правовой базы современной международной торговли. Безусловно, те вызовы, те проблемы, на которых остановился докладчик, имеют большое значение для международной торговли. Но все-таки, на мой взгляд, состояние именно правовой базы, которая сегодня вызывает огромное беспокойство, можно, наверное, поставить на первое место.

В настоящее время без преувеличения можно сказать, что происходит эрозия правовой базы международной торговли. Речь идет о том, что с 1947 года, когда было подписано генеральное соглашение о тарифах и торговле, в течение нескольких десятилетий участники торговли вели сложнейшие переговоры, шли на невозможные компромиссы с тем, чтобы создать правовой пакет, правовую базу ВТО, на основе которой сегодня происходит, напомню, 97% мировой торговли. Сегодня вот эта правовая база находится под угрозой. Впервые за многие десятилетия государство, которое являлось лидером в переговорах по созданию этой базы — Соединенные Штаты, — ставит под сомнение правила и принципы международной торговли. Собственно, это открыто содержалось в докладе Роберта Лайтхайзера, нынешнего USTR, в марте 2018 года этот доклад был распространен среди членов конгресса. И там было четко совершенно сказано, что Соединенные Штаты могут себе позволить нарушить правила международной торговли, то есть

Приведу исторический пример. За счет чего Соединенные Штаты стали технологическим лидером? За счет того, что еще в XIX веке второй-третий технологический уклад оказался очень адекватен потребностям Соединенных Штатов в освоении огромных территорий, которые оказались в их распоряжении. То есть это двигатель внутреннего сгорания, дороги. Без них Америка просто не смогла бы существовать, они были там востребованы. Если в Европе автомобиль был средством роскоши, то в Америке это была насущная необходимость, развитие автомобильной промышленности.

В этом смысле, если посмотреть на нынешнюю Россию, здесь тоже очень любопытная вещь. У нас единственная мировая область, которая является цивилизационной пустошью. Это огромное пространство Сибири и Дальнего Востока, которые имеют огромные совершенно богатства и которые очень мало заселены. Почему очень много заселены? Там жить трудно. Просто физически людям сложно жить, потому что зимой холодно и все остальное прочее, а летом жрет мошка. Так вот это, пожалуй, единственный великолепный полигон для развития роботизированных производств, где основную роль должен играть именно искусственный интеллект. Если мы, во-первых, сами это дело все спланируем и предоставим мировому сообществу эту площадку для развития технологий шестого и седьмого технологического уклада будущего, то капиталы, инвестиции пойдут сюда и мы станем лидерами этого процесса. Поэтому я всех к этому призываю.

Бодрунов: Спасибо большое. Уважаемые коллеги, я сказал, что мы работаем два часа. Я давал слово тем, кто записался в порядке поступления заявок. У нас впереди еще четверо выступающих. Я бы сейчас предоставил слово Михаилу Владимировичу Ершову, он идет у нас следующим в списке. Уважаемые коллеги, есть из тех, кто записался, настаивающие на своем выступлении? Если есть, мы дадим слово. А если нет, то тогда мы… Есть, да?

Реплики: Есть.

Бодрунов: Хорошо, коллеги, двигаемся дальше. Михаил Владимирович. Но прошу тогда секундочку внимания: обязательно попадать в регламент. Михаил Владимирович всегда в регламенте у нас.

Ершов: Добрый вечер уже, наверное, уважаемые участники. Спасибо, во-первых, Вольному экономическому обществу и спасибо ЮНКТАД за как всегда крайне интересное и крайне актуальное обсуждение. Спасибо докладчикам за то, что дали нам повод для серьезных обсуждений. Я внимательно посмотрел материалы, которые нам были представлены, и, конечно, под экономическим углом зрения кое-

какие вещи приходят на ум. Они будут разрознены, но, на мой взгляд, интересны.

Первое, что приходит на ум по прочтении текста и комментариев в тексте. В докладе говорится, что вследствие перехода на цифровую экономику разрыв между развитыми и развивающимися странами будет возрастать. А далее — говорим мы и они отчасти — означает, что будут нарушаться возможности равной конкурентной среды. А далее, говорим мы вновь, и в докладе тоже об этом говорится, в приложениях на английском языке, в специальных текстах, которые были получены нами через рассылку: прецеденты в контексте ВТО, о ВТО идет речь, которое обеспокоено тем, что для всех участников рынка должна быть равная конкурентная среда. Так вот, прецедент начала еще 2000-х годов, когда, я напомню нам всем, европейское сообщество представило иск в рамках ВТО к Соединенным Штатам о том, что американские компании, как считали европейцы, нарушают конкурентные условия посредством всяких вторичных условий улучшения своей бизнес-среды — налоговая оптимизация и прочие вещи имелись в виду. И в итоге ВТО приняло решение в пользу европейских компаний.

Это означает, что в нашем контексте, если опять будет некая неравная конкурентная среда между теми, кто имеет меньший доступ, и теми, кто имеет больший доступ, предвосхитить или предположить, что, возможно, в контексте ВТО и других механизмов будут иски с точки зрения выполнения равной конкурентной среды для всех участников. Пока об этом речь не идет, но прецеденты уже были, надо просто иметь в виду.

Дальше. Цифровые технологии (это более фундаментальный, такой, скорее, геовывод) — это ведь, по сути, открывание национальных экономик в качественно иной технологической среде. Проблема «открытости экономики» или «закрытости экономики» посредством цифровых технологий решается достаточно эффективно, когда иностранные операторы или какие-то не национальные операторы могут влиять на процессы и активы национальной экономики. А это очень важный момент. Это уже означает, что какие-то специальные регулирующие меры национальными регуляторами должны быть предприняты, чтобы, по крайней мере, эти риски иметь в виду. Потому что какая-то среда откуда-то извне, из облака вдруг — бам! — и у тебя фондовый рынок обваливается. И что дальше? Ты говоришь: «Обвалился». Ну и? Это пока только вопросы, я предложений никаких не обозначаю, я обозначаю проблемы, которые надо иметь в виду.

Дальше. Очень интересная, совсем системная вещь, касающаяся мировой архитектуры. Совсем недавно президент Банка Англии сказал, что возможно использование

валюты Libra в качестве замены доллару, потому что с долларом связано много рисков, доллар — плохая и не очень устойчивая валюта. И если мы взамен доллара, например, используем криптоинструмент в виде Libra, то это может быть новый прообраз новой финансовой системы. А отсюда следуют серьезные такие геополитические и геоэкономические выводы. Может быть, в эту сторону ветер дует?

Еще один момент в рамках оставшихся двух минут. Здесь в марте 2018 года, когда мне было предоставлено слово, я имел удовольствие сказать, что криптовалюты и финансовые инновации затрудняют эффективность денежно-кредитной политики. Полгода спустя глава Канады сказал, по сути, то же самое. Я его процитирую: «Цифровые технологии затрудняют проведение денежно-кредитной политики для центральных банков». Опять есть над чем подумать.

И совсем в завершение. Да, криптотема и электронные деньги, очевидно, сопряжены с огромными возможностями. Одновременно надо иметь в виду, что есть не меньшие по своему масштабу и риски. Более того, сегодня отчасти это звучало, есть много вещей, которые более глубинно пока неясны, помимо естественного развития, эволюции, прогресса и т. д. На самом деле, кто стоит и стоит ли за этими всеми инициативами, которые, мы видели, были начаты год, два или сколько лет назад?

Это что — естественное развитие или не только естественное? Первый вопрос. Они все риторические. Какие реальные цели у этого процесса? Конечно, помимо повышения, обеспечения того-то, того-то. Но что-то такое, может быть, еще, кроме этого?

Какие есть операционные и не только операционные задачи? Операционные — более-менее понятно. Но могут быть геоэкономические и геополитические задачи. И вот чем больше мы будем на все эти вопросы пытаться найти ответы и найти решения, как их все правильно реализовать, тем более эффективными будут наши подходы. Поэтому доклад и сегодняшнее обсуждение — это важный шаг на пути правильного решения всех этих вопросов.

Большое спасибо.

Бодрунов: Спасибо большое, Михаил Владимирович. Иван Владимирович Данилин. Заведующий Сектором инновационной политики, сотрудник подразделения отдела науки и инноваций ИМЭМО РАН, кандидат политических наук.

Данилин: Здравствуйте. Спасибо. Только я уже заведующий отделом год как. Но все равно приятно вернуть молодость год назад.

Бодрунов: Спасибо большое, Александр Александрович. Я хотел бы предоставить слово Михаилу Владимировичу Ершову, члену нашего Президиума Вольного экономического общества и члену Координационного совета Международного союза экономистов. Он главный директор по финансовым исследованиям Института энергетики и финансов и профессор Финансового университета при Правительстве России. Михаил Владимирович, прошу Вас.

Ершов: Спасибо большое. Спасибо, доктор Китуйи, за Вашу презентацию. Коллеги, роль бизнеса, о которой мы сегодня говорим, тем более важна, когда неопределенность на внешних рынках достаточно высока. ЮНКТАД об этом совершенно справедливо говорит в своем докладе, отмечая, что краткосрочные риски растут. Это может существенно затормозить экономическую активность. В таких условиях тем более настораживает, что и в докладе ЮНКТАД, и в других материалах говорится, что у большинства из стран, которые анализируются, главный драйвер роста — это внешняя торговля, та самая, которая, как ожидается, будет испытывать особенные риски. Таким образом, получается, что рост будет достаточно хрупким. С моей точки зрения, это очевидно. И мы знаем, что только у некоторых стран, согласно опять-таки материалам ЮНКТАД, важнейшую роль играет внутренний спрос. Там приводится Китай, приводятся Соединенные Штаты, приводится Канада — ограниченное число стран.

(Я, с Вашего позволения, Вам подарю потом журнал «Вопросы экономики», серьезный, юбилейный номер, 90 лет «Вопросам экономики». Там есть моя статья, где я ссылаюсь на материалы ЮНКТАД.)

Так вот, возвращаюсь к нашему обсуждению: мы понимаем, что чем больше внутренний спрос, тем больше возможности национального бизнеса формировать основы развития своей экономики. Мы помним и подходы в недалеком прошлом — акцент на внутренние приоритеты, это была международная линия поведения. Но очевидно, что для этого необходима и соответствующая экономическая среда. Если мы посмотрим на те страны, которые вы справедливо указываете в Вашем докладе как имеющие драйверы внутреннего развития, они ведут максимально комфортную денежно-кредитную политику. У них — минимальные процентные ставки, налоговые послабления. Китай, мы помним, снизил НДС, что, естественно, стимулирует рост и улучшает качество этого роста. У них максимальная доступность ликвидности и длинные деньги, что создает для бизнеса очень комфортные условия функционирования.

В этой связи механизмы, которые мы рассматриваем, должны играть важнейшую роль для того, чтобы бизнес подключился к экономическим программам. Мы знаем, кстати,

что в мировой практике в тех странах, о которых Вы говорите в Вашем докладе, существует даже механизм подключения бизнеса к низкоэффективным региональным программам, в которые они сами бы не пошли. Но создаются условия, которые делают для них это целесообразным. У нас уже многие годы существует ЧГП — частно-государственное партнерство, предполагающее взаимодействие бизнеса и государственных органов управления. И очевидно, что в этом двустороннем взаимодействии заинтересованы обе стороны: и государство, и бизнес, потому что чем сильнее государство, тем больше возможностей у бизнеса. И наоборот, чем сильнее бизнес, тем более мощным является его вклад в формирование экономических основ для государства. Поэтому если на таких путях будет идти развитие взаимоотношений бизнеса и государства, то от этого выиграют все: и регуляторы, и бизнес, и частный сектор в целом, и потребитель, сектор домашних хозяйств. Вот такое взаимодействие я хотел бы предложить поддержать. Спасибо большое.

Бодрунов: Спасибо большое, Михаил Владимирович. И я хотел бы в качестве завершающего эксперта сегодня представить Татьяну Борисовну Крылову, руководителя отдела развития и предпринимательства ЮНКТАД. Прошу Вас, Татьяна Борисовна, нам очень важно Ваше мнение.

Крылова: Спасибо большое за предоставленное слово, за возможность выступить. Передо мной поставлена вполне конкретная задача — представить программу, которая называется Entrepreneurship Development («Развитие предпринимательства». — Прим. ред.), которая развивает тему, здесь уже поднятую, — о роли малого бизнеса в экономическом развитии вообще и в достижении целей устойчивого развития в частности. Конечно, эта задача, эта тема чрезвычайно актуальна. Она является одним из разделов в целях устойчивого развития, где говорится о необходимости создания качественных рабочих мест в плане того, какую роль здесь играет малое предпринимательство. С другой стороны, конечно, это напрямую относится к двум национальным проектам России: по развитию малого бизнеса и по созданию рабочих мест — занятости и самозанятости.

Поэтому в этой связи я хотела бы просто коротко сказать не только о роли малого бизнеса, потому что, в принципе, об этом уже говорилось, сколько предложить некоторые решения для того, чтобы повысить роль малого бизнеса и вообще, и в России в частности. В этой связи буквально короткая такая презентация по поводу программы ЮНКТАД, которая направлена на формирование устойчивых и конкурентоспособных предприятий малого сектора в целях усиления их инвестиционной привлекательности, эффективности расширения возможности в области торговли и экспорта.